

«Нам вера как знание досталась в наследство»

Эти строки поэта Наума Коржавина, написанные в 1958 г., раскрывают многое в общественном сознании сталинской эпохи. Осмысливая историю своей науки, современные историки все чаще задаются вопросом: чем же она была в тот или иной период времени, как воспринималась обществом в целом и самими исследователями, как формировался ее официальный образ и насколько он отражал ее состояние. Такая постановка исследовательских задач существенно расширила проблемное поле историографии. В центре внимания оказались сообщество ученых, создающее историческое знание, и личность историка, индивидуализирующая исследовательский процесс. Особый интерес представляет рассмотрение тех периодов исторической науки, которые приходится на переломные этапы в развитии общества.

Коллективная монография, подготовленная омскими историками В.П. Корзун, Н.А. Кныш, Д.М. Колеватовым, М.А. Мамонтовой, В.Г. Рыженко, А.В. Свешниковым, на протяжении ряда лет плодотворно исследующими проблемы российской историографии XX в., посвящена именно такой фазе ее развития*. Отечественная историческая наука второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. исследуется в книге в контексте социокультурных и политико-идеологических реалий позднего сталинизма как сфера целенаправленного воздействия властных структур. Именно на этот период времени, по мнению авторов, приходится окончательное закрепление за ней образа советской исторической науки, существовавшего в 1920–1930-х гг. лишь в общих чертах (с. 46). Думается, что перелом в развитии исторической науки СССР с полным правом можно отнести к середине 1930-х гг. Особое значение здесь имела критика «школы Покровского» и принятие Постановления о преподавании гражданской истории в школе, которые перевели стрелки с подчеркнуто марксистского ее облика на советский.

В книге показано, какое влияние оказали на советскую историческую науку «пролаборочные кампании», в первую очередь по борьбе с космополитизмом, буржуазным объективизмом и национализмом, а также идеологические мероприятия, связанные с прославлением гения И.В. Сталина, – пропаганда его работ «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР» и др. Сделан справедливый вывод, что это привело к изолированности отечественной исторической науки от мировой, закреплению модели «сталинской науки», сквозь призму которой воспринимались советская историческая наука и советские историки (с. 66).

Большое внимание в монографии уделено восприятию официального образа советской исторической науки учеными середины прошлого века. Раскрывается содержание его составляющих, выделенных президентом Академии наук СССР С.И. Вавиловым – партийности, материалистической основы, плановости, практицизма, народности и коллективности, которые, как показало исследование, оставались неизменными в различных идеологических ситуациях. Плодотворной оказалась попытка авторов монографии выявить механизм внедрения нового образа советской исторической науки в общественное сознание. Основываясь на изучении материалов центральной (газета «Культура и жизнь») и провинциальной прессы (газета «Советская Сибирь», журнал «Сибирские огни» и др.), анализе советского кинематографа рубежа 1940–1950-х гг., деятельности Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, они показали сложную систему взаимосвязи и взаимопроникновения политики, идеологии и исторической науки. Востребованный властью образ транслировался с помощью средств массовой информации, причем транслятором и интерпретатором его выступали сами историки.

* Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.

Отдельное место в книге отведено роли Института истории АН СССР и его печатного органа – журнала «Вопросы истории» в воспроизведении и сохранении советской модели исторической науки. В этой связи предпринят анализ научных практик Института, журнальных публикаций, особенно передовых статей. Отмечено значение «Вопросов истории» в сохранении не только языка науки, но и исследовательских норм, что явилось в дальнейшем, как полагают авторы, «причиной/поводом вмешательства власти в жизнь научной корпорации советских историков на самом высоком уровне» (с. 287).

Историко-антропологический подход позволил авторам книги подойти к изучению личностного измерения образа советской исторической науки. Заключительный раздел монографии посвящен особенностям самоидентификации советских историков. Он открывается рассмотрением историографической судьбы фундаментального труда Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», в котором, как верно подмечено в книге, были сфокусированы главные тенденции исторической науки того периода. Интересен вывод, что причины крайне резкой критики историка и его работы лежали не только в политико-идеологической сфере, но и в неготовности значительной части научного сообщества следовать за автором, критически и творчески перерабатывая историографическое наследие (с. 371). Отказ от концептуального осмысления истории исторической науки, предложенного в «Русской историографии», послужил прологом к стереотипизации образа советской исторической науки. Поддерживая заявленные подходы, выскажу предположение, что анализ реакции советских историков на исследование Рубинштейна с точки зрения поколенческих сдвигов в их мышлении позволил бы уточнить сделанные заключения.

Чрезвычайно интересной представляется предпринятая авторами попытка выделить несколько типов поведенческих стратегий историков. В монографии представлены три аллегорических «фигуры историков», которые, несмотря на вполне конкретные прообразы, являются скорее олицетворением определенного набора качеств и характеристик. Первая из них условно обозначена как официальный историк/ученый-администратор. Он – не генератор идей и не комиссар 1920–1930-х гг. Научный администратор 1940-х гг. – не реформатор, а консерватор. Его основная задача – обеспечение идеологических приоритетов в советской исторической науке, хотя он и не является творцом идеологии. Вторая «фигура» – это тип «соавтора-интерпретатора официального марксистского проекта» (с. 401), для которого основой профессиональной деятельности и стимулом к совершенствованию являлись попытки «творческого соревнования со знаменитыми представителями отечественной и мировой гуманитаристики» (с. 402). Историк-пропагандист выступает в качестве третьей «фигуры историка», играя роль посредника между властью и «массами» в закреплении образов исторического прошлого. Конечно, как и любые обобщения, эти собирательные типы могут быть использованы в контексте изучения образа советской исторической науки лишь при учете индивидуальных особенностей историков.

Разумеется, в рамках синтетического образа «сталинской науки» существовали не вполне совпадавшие между собой образы медиевистики, истории советского периода и т.д., которые не транслировались на уровне массового сознания, а бытовали в профессиональном сообществе. Но наличие перспективы исследования лишь подтверждает тот факт, что предпринятое коллективом омских историков исследование вносит существенный вклад в изучение закономерностей развития отечественной историографии.

**Л.А. Сидорова, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**